

Алексей РЕМИЗОВ

БАНЯ

начальное

Откуда и как пошло старинное мое пристрастие к старой бумаге и буквам, непонятым для нынешнего глаза?

А все дело в Москве, должно быть: родился я в Москве, в замоскворецких Толмачах, а из Толмачей шаг шагни, и весь Кремль, как на блюдечке. И вот первое, что услышало мое ухо, был старинный кремлевский красный звон, большой реут-колокол, и первое, что увидел мой глаз, были древние кремлевские башни с Иваном Великим.

Позже - хождения в ночные успенские крестные ходы - столповое пение московского Большого Успенского собора. Там, что ни служитель, - стрелец, а соборяне и нынче поют, как при царе Иване пели. Выйдут черные пузатые на литию, да загудут басами самосогласен Подобаше - стих литийный - стоишь, шевельнуться боишься.

Много тоненьких свечей пред чудотворным образом Владимирской, много и перед любимым моим Благовещеньем - перед архангелом, благовествующим радость велию. И тут же из надсвечной тьмы красноустый Спас-ярое око. А там у Петра митрополита Божия Матерь-теплая ручка - приложишься, и такая она теплая, как живая, - там лампада неугасимая.

- Господи, помилуй - Господи, помилуй - Господи, помилуй - гудут соборяне.

Стоишь, шевельнуться боишься.

И, как помню себя, помню Макарьевские Четьи-Минеи - огромные, в кожаном переплете: с восковой свечой, капающая, читаю в голос жития мучеников, о страстях их мученических и терпении.

И далеко, еще в раннем детстве, слышал я имена Погодина и Забелина, произносимые с особым почитанием людьми, никого не почитающими.

А потом слушал я лекции самого Василия Осиповича Ключевского.

Тут наступил срыв в моей жизни и начало плавания моего по морю житейскому. И уж немало лет спустя, пообшаркавшись, выплыл я в Вологде, и свела меня судьба с князем обезьяньим, П.Е.Щеголевым.

Портрет Алексея Ремизова работы Ирины Кристиной (карандаш). Конец 20-х годов.

Жили мы в Вологде испокон веков в одном доме у Подосенова. Только Павел Елисеевич на улицу, - а я во дворе. Вместе ели, пили, купались, вместе ходили в баню. С этого все и пошло.

Павел Елисеевич, как известно, сложения богатырского, на воронежских пшеничных хлебах питан, а я, как кошкою в Толмачах зародился, так и остался - и в Толмачах не выелся! - и останусь кошкою до второго пришествия. Я, бывало, живо вымоюсь и на полок залезу с веником: я все сам себе - и спину тру и веником постегаться могу. А Павел Елисеевич не может. Павел Елисеевич только-еще-только себе головку отмылил. Я над ним и управляюсь. И так, бывало, примусь спину тереть, уж тру, тру, в две руки стараюсь, а все не пробрать никак, чтобы до красна. Передохнешь малость, да с кипятком, ну, - и вспыхнет спина, что огонь Тут-то вот и начинается. И чего-чего, бывало, в распаре да банном воздухе - в банном пару приятном, чего только ни рассказывал Павел Елисеевич!

О Персиде, волхвах персидских, и о звезде вифлеемской, и о Египте, и о Индии, всю старину, и допотопную самую, из-под земли, подспудную, из преисподней на свет Божий подымет, и на всех-то на двенадцати языках, само собой, и по-нашему, - много ль нынче среди русских писателей, кто бы по-русскому-то умел говорить, по-настоящему! - начнет с санскритского, кончит по-персидскому.

А как пел! В бане особенно поется, да если еще с голосом да с душою. Ну, подтягиваешь, бывало, ну, что уж, это не то, разбойничьи песни певал Павел Елисеевич, атаманские.

покатилась головка,
покатилась голова,
знать, такая уже доля
атамана казака.

А выйдем из бани, да с веником по морозцу, по вологодскому дому на Желвунцовскую - пар-то от нас за версту! Наша хозяйка, старуха Подосениха, видно, по этому самому пару, по клубам белым, и примечала, что, мол, возвращаются домой нагрешники, да скорее самовар на стол. А рассядемся за самоваром - с полотенцем чай-то пивали! и опять разговоры.

Павел Елисеевич мне письма самого Гоголя показывал! Ему из Академии в Вологду добра этого тюками присылали: тюк получил, разработает и назад в Питер. А ему еще подвоят. Насмотрелся я, слава Богу, наострил глаз на старой бумаге, на буквах непонятных для нынешнего глаза.

А премудростям палеографическим, чтению и письму глаголическому, виноградной вязи, юсам и аористам научила меня ученица по-

койного профессора Илии Александровича Шляпкина Серафима Павловна Ремизова-Довгелло, действительный член санктпетербургского археологического института.

Стал я понемногу старину читать, стал в старине разбираться и затеял по обрывышкам, по никому ненужным записям и полустертым надписям, из мелочей, из ничего представить нашу Россию.

Из мелочей, из ничего представить Россию, чем жила она и стоит донныне, - вот она, какая затея!

И затее моей конца краю не видно.

1917 г.

Александр ДУБИНИН

ЗВЕЗДНЫЕ МЫСЛИ

Дух - мысль, действующая постоянно.

Поэт - не совсем человек.

Пора понять навсегда: великая Россия может остаться (или стать) Великой только в рабской крепости народа и в бесстыдстве правящих нами.

Бесы всегда возвышаются над людьми, на что людям, в общем-то, наплевать. Таракан с трубкой. Сидишь там, живешь по ночам, когда все нормальные люди спят, ну и сиди там, шевели усами. Нам-то что! Информационный век опасно сблизил нелюдей с человеком. Функциональное разделение тех и других может сегодня не сработать. Не обязательно катастрофа, но люди могут забыть рожать и медленно жить.

Дом-улей, в каждой ячейке которого - свой червячок, все-таки еще патриархальный дом.

Опредмечивая искусством человека.

Фильм "Суворов" криком кричит: Начальству разрешено что угодно, любое самодурство ему к лицу. А оно так и делает, а ответ держит (до сих пор!) перед богом и матушкой императрицей.